

ПОЛТОРА ЛЕВЫХ ЧАСА

Даниил Хармс

**Вечерняя песнь к имением моим
существующей**

Даниил Хармс

Сцена с Востряковым

Даниил Хармс

Балет трех неразлучников

ДАНИИЛ ХАРМС

ЕЛИЗАВЕТА БАМ

Александр Введенский

Куприянов и Наташа

в музыкальном оформлении использована
увертюра Пэта Метини, городские романсы
и музыка бразильского карнавала 1937 года

постановка **Александра Пономарева**

сценография **Галины Лиоли**

Александра Пономарева

музыкальное **Михаила Корзина**

оформление **Бориса Репетура**

Андрея Смирнова

движение неизвестного путешественника

Роли и исполнители

Елизавета Бам — Ирина Автух

Петр Николаевич — Алексей Яковлев

Александр Пономарев

Иван Иванович — Алексей Романюк

Папаша — Виктор Маркевич

Мамаша — Борис Репетур

Нищий — Михаил Корзин

Неизвестный путешественник — Вадим Кудрявцев

Куприянов и Наташа — Григорьева и Репетур

Вечернюю песнь к имением моим существующей
исполнит **Борис Репетур**

Руководитель постановочной части — **В. П. Болонов**

Старший машинист — **И. И. Гусев**

Зав. осветительским цехом — **Е. И. Яровая**

Зав. радиоцехом — **А. И. Смирнов**

Зав. реквизиторским цехом — **Е. Б. Ерофеева**

Зав. костюмерным цехом — **Е. А. Саенко**

Гримеры — **И. Ф. Зуева, С. Г. Гришин**

Редактор — **И. А. Амитон**

Пом.режиссёра — Л. В. Панкова

Типография СТД Зак. 5404 Тир. 3000

Александр Введенский

ЭЛЕГИЯ

Так сочинялась мной элегия
о том, как ехал на телеге я.

Игорь Бахтерев.

Осматривая гор вершины,
их бесконечные аршины,
вином налитые кувшины,
весь мир, как снег, прекрасный,
я видел темные потоки
я видел бури взор жестокий,,
и ветер мирный и высокий,
и смерти час напрасный.

Вот воин, плавая навагой,
исполнен важною отвагой,
с морской волнуемой влагой
ветупает в бой неравный.
Вот конь в волшебные ладони
кладет огонь лихой погони,
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.

Где лес глядит в полях просторы,
в нощей несложные уборы,
а мы глядим в окно без шторы
на свет звезды бездушной,
в пустом смущенье чувства прячем
а в ночь не спим, томимся, плачем
мы ничего почти не значим,
мы жизни ждем послушной.

Нам восхищенье неизвестно
нам туго, пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно,
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили
мы нас самим себя простили,
нам, тем, кто как зола остыли,
милей орла гвоздика.

Я с завистью гляжу на зверя,
ни мыслям, ни делам не веря,
умов произошла потеря,
бороться нет причины.
Мы все воспримем как паденье —
и день, и тень, и наслажденье,
и даже музыки гуденье
не избежит лучины.

В морском прибое беспокойном,
в песке пустынном и нестройном
и в женском теле непристойном
отрады не нашли мы.
Беспечную забыли трезвость,
воспели смерть, воспели мерзость,
вспоминанье мним как дерзость,
за то мы и палимы.

Летят божественные птицы,
их развиваются косицы,
халаты их блестят как спицы,
в полете нет пощады.
Они отсчитывают время,
они испытывают бремя,
пускай бренчит пустое стремя,
сходить с ума не надо.

Пусть мчится в путь ручей хрустальный,
пусть рысью конь спешит зеркальный,
вдыхая воздух музыкальный
вдыхаешь ты и тленье.
Возница хилый и сварливый,
в вечерний час зари сонливой
гони, гони возок ленивый,
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами,
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье
на смерть! на смерть! держи равненье
поэт и всадник бедный.